

ФЕНОМЕН НЕОЯЗЫЧЕСТВА В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

И. Акинчиц

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Системная трансформация оказала существенное влияние на образ жизни нашего народа, его культуру, важным элементом которой являются верования, своеобразно сочетающие религиозные ценности и этнические традиции. В трансформирующемся обществе религия проникает практически во все сферы жизни наших людей прежде всего потому, что абсолютное большинство религиозных объединений выступает в роли охранителей народных обычаев и высоких нравственных ценностей. Кроме того, этому способствует принятие нового законодательства о религиозных культурах. Например, согласно ныне действующей Конституции Республики Беларусь, каждый гражданин «имеет право самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом» [1, ст. 31]. А подписанный главой государства 31 октября 2002 года в новой редакции Закон «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях» регулирует отношения в области прав граждан на свободу вероисповеданий и деятельность религиозных объединений. Так наша страна оказалась в юридическом поле, которое соответствует стандартам цивилизованного правового государства.

Такое положение дел обусловило повышение религиозной информированности верующих и расширение параметров их религиозности. Разумеется, характер обыденной религиозности зависит прежде всего от догматических, канонических и обрядовых принципов конкретного вероучения, а также от религиозных взглядов и представлений, унаследованных от предшествующих поколений верующих. В то же время он в значительной степени обуславливается социальными изменениями, связанными с трансформацией современного белорусского общества. А происходящие изменения в своей совокупности способствуют формированию внеконфессиональной религиозности. Этот постулат подтверждают различные конкретно-социологические исследования. Например, согласно результатам проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2004 году республиканского социологического мониторинга, «подлинно воцерковленными (т.е. одновременно религиозными и церковными) можно признать только 6,8 % от общего количества опрошенных; почти 50 % признающих себя верующими можно отнести к числу религиозных, но не церковных, поскольку они крайне редко посещают церковь, причем не по убеждениям, а в силу случайных обстоятельств» [2, с. 150]. В то же время внеконфессиональная религиозность зачастую становится первой ступенькой на пути таких верующих к неомистицизму и неоязычеству.

В условиях системной трансформации белорусского общества мистика, самым причудливым образом переплетаясь с научными знаниями, укрепляет свои позиции. В советские времена население жило ожиданиями создания рая на земле.

Вера в его неизбежное осуществление помогала людям переносить тяготы индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, репрессии 30-40-х годов, военное лихолетье, а затем жить предчувствием торжества коммунизма в эпоху «развитого социализма». Но обещанного рая на земле наши люди так и не дождались. А к концу прошлого столетия разрыв между народными чаяниями и реальным положением дел еще больше увеличился, что привело к своеобразному религиозному ренессансу. Причем наблюдается тенденция огосударствления православия и оправославливания государства. В связи с этим многие православные верующие отходят от «официальной» религии и становятся на позиции неомистицизма. Они убеждены, что социальный прогресс возможен лишь благодаря сочетанию астрологии, мантики, каббалы, спиритуализма, теософии и т.д. и новейших достижений науки и техники [3, с. 115-116].

Не менее мощную ветвь внеконфессиональной религиозности образовали сторонники неоязычества. Появление интереса к неоязычеству в суверенной Беларуси было обусловлено деятельностью значительной группы интеллигенции, связывавшей национальное возрождение с традициями, унаследованными от древних славян, в которых отдавалось предпочтение малой родине и белорускости. В 1994 году Центром этнокосмологии «Крыўя» был опубликован сборник, в котором помещена статья В.Лобача «Паганства і хрысціянства: беларускі выпадак». Этот автор охарактеризовал модель сосуществования язычества и христианства в исторической ретроспективе Беларуси. Он акцентировал внимание на том, что язычество сыграло огромную роль в сохранении народных традиций, в самоидентификации белорусов. А затем сделал вывод, что в суверенной Беларуси сочетание этих традиций с христианскими ценностями отвечает идеологическим потребностям молодого государства. С конца 1996 года в журнале «Роднае слова» появляется цикл статей о язычестве. Во вступительной статье «Першавера продкаў» И.Жданович утверждал, что знание праверы для современных белорусов необходимо в такой же степени, как знание античной культуры и мифологии для понимания европейской цивилизации. Значительный интерес к язычеству проявили также официальные СМИ. Начиная с 1992 года, по радио и телевидению, в газетах и журналах систематически освещались языческие ритуалы, анализировались формулы заклинания, пропагандировались рецепты народных снадобий для защиты от «сглаза», подчеркивалась значимость для современников языческих праздников «Гуканне вясны», «Дажынкі», «Купалле и т.д. Более того, в систему государственных праздников были введены «Дзяды». На денежных знаках появился солярный символ (розетка). Такими методами язычество в его новой форме внедрялось в повседневную жизнь белорусов.

В одном из своих сочинений русский религиозный философ и богослов С.Н.Булгаков акцентировал внимание на том, что основными чертами язычества являются космизм и антропоморфизм [4, с. 287]. В неоязычестве эти черты получили дальнейшее развитие и привлекли внимание многих верующих, ставших на позиции внеконфессиональной религиозности. Им импонируют прежде всего те космогонические мифы, в которых описываются пространственно-временные параметры Вселенной. В этих мифах снимается противопоставление сакрального и

профанного, соединяется божественное и человеческое и таким образом воссоздается их «первоначальное единство». Благодаря этому космоизм сочетается с антропоморфизмом, в котором свойственные человеку черты переносятся на природные явления, а христианские элементы культа подвергаются этнической интерпретации. Христианство такой верующий белорус связывает с урбанизацией и современными глобализационными процессами, а неоязычество отождествляет прежде всего со своей семьей и малой родиной. Поэтому современный верующий «вкрапливает» в христианское вероучение и культ элементы языческих представлений и ритуальных действий. Важно при этом подчеркнуть, что такое «вкрапление» совершается преимущественно по инициативе рядовых верующих и зачастую вопреки желаниям клира. По мнению М.Элиаде, у всех европейских сельских жителей «религиозность не сводится лишь к историческим формам христианства; она сохраняет какую-то космическую структуру, почти полностью отсутствующую в опыте христиан-горожан. Можно говорить о некоем первичном, доисторическом христианстве. Обращаясь в христианство, европейские крестьяне включили в это новое верование космическую религию, которую они хранили с доисторических времен» [5, с. 103]. Язычник обычно стремился жить, насколько это возможно, в окружении священных предметов. Он поклонялся им именно потому, что эти предметы представляли собой в его понимании иерофонию (проявление священного), т.е. «показывали» уже нечто совсем иное, чем простой предмет, а именно – священное. «Священность» этих предметов он связывал с космогонией, их внеземным происхождением или же с их свойствами, полученными сверхъестественным способом.

Согласно неоязыческим концепциям, космос имеет начало (он сотворен из хаоса), а также конец (в результате хищнической эксплуатации окружающей среды человечество приближает мировую катастрофу). Поэтому в целях спасения всего живого, по их мнению, необходимо возродить культ природы. При этом неоязычники ссылаются на тех ученых, в сочинениях которых содержится этот призыв. Например, английский историк и социолог А.Тойнби считал, что основной причиной экологического кризиса является «забвение» иудаизмом и христианством древних культов, в которых боготворили природу. По его мнению, «цивилизация, безусловно, может вновь пережить надлом, но совсем необязательно, что неизбежным следствием этого станет замещение одной высшей религии другой» [6, с. 540]. Этот мыслитель утверждал, что «в области религии, также как и в области языка, искусства, манер или нравов, синкретизм является внешним проявлением чувства всесмешения, рождающегося благодаря расколу в душе в эпоху социального распада» [Там же, с. 407]. Начало этой эпохи он связывал с процессом глобализации, нещадной эксплуатации природы ради достижения сиюминутных благ современным человечеством. Известный психолог и социолог Э.Фромм также утверждал, что разум привел к познанию, которое оторвало людей от природы и приблизило человечество к своему концу. Этот мыслитель считал, что современному обществу нужна гуманистическая религия, сочетающая все позитивные элементы предшествующих религий и выполняющая функцию социальной терапии в воздействии на «животное начало» человека. Тогда будет установлена новая гармония в отношениях «человек-природа», ибо «телом своим человек принадлежит животному миру и тысячами нитей связан со своим биологическим прошлым» [7, с. 218].

Ссылки белорусских последователей неоязычества на известных ученых, обращение к верованиям древних славян в условиях системной трансформации нашего общества находят определенный отклик у внеконфессиональных верующих. Особенно восприимчивы к этим идеям те люди, которые потеряли уверенность в завтрашнем дне, утратили чувство социального оптимизма. Такие люди зачастую воспринимают неоязычество как путеводную нить к обретению спокойствия и начинают участвовать в неоязыческих культовых действиях. Например, в республике появились последователи «отца» Виссариона, который, разрабатывая основные принципы своего вероучения, писал: «Человеческое развитие протекает на пяти основах, не познав законы которых, человек не станет совершенным. Вот эти пять основ: Земля, Единый дух жизни, Бог всех и Святой Дух» [8, с. 87]. Пятой основой является сам новоявленный мессия. Причем эти пять основ «отец» Виссарион предлагает всем прозелитам в качестве «Нового символа веры». По его мнению, эту веру раньше принять было невозможно. «Теперь же люди подошли к новой ступени своего развития, - утверждает «отец» Виссарион - и сегодня вас отделяет последняя ступень от царствия Небесного, которое и было предназначено вам Отцом Небесным. ... Это и есть путь, уготованный Отцом Небесным. Поэтому скрывается много тайн, позволяющих идти по одному пути» [Там же, с. 90].

Более десяти лет проявляет заметную активность в республике Международный институт по изучению энергии человека и космоса. В его структуру входят Ассоциация врачей и группа нетрадиционных методов оздоровления, консультационные пункты «Гармония семьи», «Милосердие», «Экология среды» и т.д. Эти пункты особенно популярны среди молодежи. Деятельность Института основывается на использовании «всеобъемлющей жизненной энергии». Причем энергия трактуется как «исцеляющая сила любви, пронизывающая всю материальную Вселенную».

Под влиянием неоязычества находятся сформировавшиеся в суверенной Беларуси экстремистские националистические группы «Русское национальное единство», «Скинхеды» и другие. Они восприняли не только неоязыческий символ – свастику, но и отдельные элементы мировоззренческой системы немецкого язычества. В свое время в Австрии и Германии неоязычество использовалось в качестве духовной опоры для создания нацистского движения. Затем под патронатом Гиммлера был создан институт Аненербе, одной из целей которого было формирование новой, «арийской» религии [9, с. 3-5]. В суверенной Беларуси арийский миф возрождается на местной почве в лице скинхедов и «сторонников» славянского единства. От немецких неоязычников они отличаются лишь тем, что в данном случае «жидомасонскому заговору» противостоят «арийцы-славяне».

Ныне в республике действуют также неоязыческие организации с ярко выраженными оккультными традициями и организации, которые сформированы по принципу преломления на местной почве восточных культов. В их среде все отчетливее «звучит мысль о том, что Белорусское Полесье – прародина славян, и в этом регионе существовала цивилизация – современница древневавилонской» [10, с. 127]. Некоторые из этих организаций зарегистрированы в Министерстве юстиции Республики Беларусь как общественные объединения (Общество возрождения культуры древних славян, Молодежный центр славянской культуры, «РУС», «Славянин»), а некоторые – как славянские культурно-спортивные общества («Коло-

врот», «Славянское наследие»). В своей практической деятельности они руководствуются принципами, построенными на основе эклектического соединения языческих и националистических идей.

Отдельное направление неоязычества составили многие последователи традиционных христианских конфессий. Они считают себя христианами, но заимствуют у неоязычества те идеи и представления, которые наиболее «вписываются» в изменившиеся условия жизни людей и одновременно не отталкивают их от «своей» веры. Заимствуя многие неоязыческие идеи, эти верующие начинают поклоняться и служить «твари вместо творца» (Римл., 1: 25), совершая тем самым своеобразное возвращение к исходному пункту синкретизации язычества и христианства. «В первое время после принятия христианства наши предки в своей низшей массе или в своем большинстве, - писал православный историк Е.Е. Голубинский, - буквально став двоеверными и только присоединив христианство к язычеству, но не поставив его на место последнего, с одной стороны, молились и праздновали Богу христианскому с сонмом его святых или - по их представлениям - богам христианским, а с другой стороны, молились и праздновали своим прежним богам языческим. Тот и другой культ стояли рядом и практиковались одновременно: праздновали годовой круг общественных праздников христианских и одновременно с ним праздновался таковой же круг праздников языческих; совершались домашние требы через священников по-христиански и в то же время совершались они через стариков и через волхвов и по-язычески; творилась домашняя молитва Богу и святым христианским и вместе с ними и богам языческим» [11, с. 849]. Ныне эта группа верующих стоит на позициях двоеверия, своеобразно комбинируя в своем сознании элементы язычества и христианства, а также совершая те и другие культовые действия.

Восприятие многими последователями христианских конфессий неоязыческих представлений, особенно связанных с космогонией и космологией, а также с нравственностью, объективно ведет к изменению структуры их религиозного сознания. Разумеется, в его центре остаются христианские догматы, однако неоязыческие представления их постоянно теснят, формируя в конечном итоге мозаичную картину.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996г. и 17 октября 2004г.). - Минск: Амалфея, 2005. - 48 с.
2. Бабосов Е.М. Структурная трансформация образа жизни населения Беларуси в конце XX - начале XXI века / Е.М.Бабосов. - Минск: Право и экономика, 2005. - 230 с.
3. Акинчиц И.И., Акинчиц Т.И. Неомистицизм в трансформирующемся обществе // Системная трансформация общества: исторический опыт и современность: сб. науч. трудов кафедр социально-гуманитарных наук. Выпуск III. - Брест 2006. - С. 115-120.
4. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения / С.Н.Булгаков. - М.: Республика 1994. - 415 с.
5. Элиаде М. Священное и мирское / М. Элиаде. - Киев: Прогресс 1997. - 129 с.
6. Тойнби А. Постигание истории / А.Дж. Тойнби. - М.: Айрис-пресс: ООО «Рольф» 2001. - 637 с.

7. Fromm E. *Man for Himself* / E.Fromm. – Rontledge, 2003. – 224 p.
8. Православная церковь, современные ереси и секты в России / Санкт-Петербургская митрополия. – СПб.: Православная Русь, 1995. – 239 с.
9. Неоязычество на просторах Евразии: предпосылки и условия возникновения, организационные формы, перспективы (сост. и науч. ред. В.А.Шнирельман). – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2001. – 165 с.
10. Гурко А.В. Неоязычество в Беларуси / А.Гурко // *Беларуская думка*. – 1999. – № 10. – С. 123-131.
11. Голубинский Е.Е. *История русской церкви*. – М., 1904. – Т. 1, ч. II. – 926 с.

ELEMENTY PROCESU PERSWAZJI WIARYGODNOŚCIOWEJ

Miroslaw Acewicz

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

Innowacyjność i wiedza, pomysł i informacja o nim wymagają przekonywania innych do ich słuszności i akceptacji. Współcześnie ich autor niemalże automatycznie staje się nadawcą przekazu perswazyjnego we właściwym sobie kontekście komunikacyjnym. Wiarygodność jest podstawowym warunkiem skuteczności takiego aktu komunikacyjnego. Jej najważniejsze elementy w układzie perswazyjnym to sprawność logiczna, umiejętności językowe, atrakcyjność osobista. Budują one pożądaną stopień zaufania odbiorcy do nadawcy, co w końcowym efekcie sprzyja skuteczności jego wypowiedzi.

1. Zjawisko perswazji. Zjawisko perswazji występuje praktycznie na wszystkich poziomach ludzkiego życia, poczynając od potocznie rozumianego „luźnego” kontaktu interpersonalnego, a skończywszy na złożonych procesach zarządzania. Oto bowiem przy powszechnym dostępie do informacji i dóbr, ich podanie, aby było skuteczne, musi być wsparte procesem przekonania do nich. Perswazja opisywana jest z różnych stron. Psychologicznie, jako element osobowości jednostek, jest często zestawiana z mechanizmami sugestii i ogólnej podatności na wpływ. Logicznie, różnej siły oddziaływania poszukuje się w schematach argumentacji. Swego rodzaju uogólnieniem jest ujęcie perswazji jako zjawiska komunikacyjnego.

Proces perswazji to szereg zachowań komunikacyjnych między jednostkami, to ciąg działań mających na celu przekonywanie kogoś do czegoś. Zewnętrznie jest on wtedy identyfikowany pod postacią ciągu aktów werbalnych i niewerbalnych. Samo zaś komunikowanie jawi się jako dynamiczny dwustronny proces przekazywania, w formie symbolicznej poprzez odpowiednie kanały informacji między nadawcą a odbiorcą. Realizuje się ono poprzez etap opisaną myśli, zakodowania jej w jakiś znak, zorganizowania sposobu jej przekazu, wreszcie poprzez etap odebrania jej, rozkodowania i ewentualnego podjęcia działań [5, s. 194-197].

Stałym kontekstem tego procesu, niezależnie od uwikłania sytuacyjnego, jest szeroko rozumiana kultura komunikacyjnych interpersonalnych kontaktów międzyludzkich. Wypracowała ona szereg uniwersalnych zasad sterujących zachowaniem jednostek w ich ramach. Grzeczność, aprobata i uznanie wzajemnego szacunku, skromność (jako nie pokazywanie wyższości czy nawet braków i słabości, zgodność), kooperacja (jako